

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РОССИЙСКИХ АГРАРНЫХ РЕФОРМ

З.И. Калугина

ИЭОПП СО РАН

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-03-003324)

Аннотация

Дана оценка социально-экономических последствий рыночных аграрных реформ в России в контексте обеспечения продовольственной безопасности, повышения благосостояния сельского населения и социальной модернизации деревни. Анализируются уровень самообеспечения страны продовольствием, масштабы импорта сельскохозяйственной продукции, а также социальная доступность продовольствия для разных слоев населения. Оцениваются динамика благосостояния сельского населения, сложившаяся социальная структура по доходам. Показано, что экономические и институциональные предпосылки для формирования и развития среднего класса как опоры в экономической и социальной модернизации села отсутствуют. Делается вывод о низкой социальной эффективности рыночных преобразований в российском аграрном секторе.

Ключевые слова: аграрная реформа, продовольственная безопасность, уровень и качество жизни, социальная модернизация

Abstract

The article assesses the social and economic consequences of the market agrarian reforms in Russia in the context of food supply security, improving rural

livelihood and social modernization of the Russian village. We analyze the Russia's food self-sufficiency, size of agricultural import, and food availability for different demographics. Dynamics of rural livelihood and the existing social structure of income are evaluated. We draw an inference that there are no economic and institutional preconditions to form and develop the middle class as a support for economic and social modernization of the village. The paper ends with a conclusion on the low social efficiency of market reforms in the agricultural sector of Russia.

Keywords: agrarian reform, food supply security, quality of life and well-being, social modernization

Двадцатилетие, прошедшее с начала рыночных аграрных реформ в России, побудило многих исследователей и практиков подвести итоги трансформации аграрного сектора страны, оценить успехи и неудачи, обсудить причины неудач и перспективы развития. Ведущие отечественные научные и общественно-политические журналы опубликовали подборки статей ученых, исследующих рыночные преобразования в российском аграрном секторе. Основное внимание в этих работах было уделено организационно-хозяйственным, экономическим и институциональным трансформациям и их эффективности. В меньшей степени анализировались и оценивались социальные последствия реформ.

Мы попытаемся оценить социальные результаты проведенных реформ, опираясь на статистические и социологические данные, а также на личные наблюдения во время экспедиционных исследований в сельских районах Сибири и других регионов. Продемонстрируем, кто выиграл, а кто проиграл в результате проведенных преобразований, интересы каких социальных групп были учтены, а каких – нет. Априори можно сказать, что влияние рыночных преобразований на село неоднозначно, а порой и противоречиво.

Исследование социальной эффективности аграрных реформ проводится в трех аспектах: с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности страны, изменения благосостояния сельского населения, социальной модернизации деревни.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одним из показателей успешности проводимых аграрных реформ могут служить степень продовольственной независимости страны, а также доступность качественного продовольствия для всех социальных групп населения. В Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации говорится о том, что для достижения продовольственной независимости необходимо обеспечить собственное производство зерновых и картофеля на уровне 95% от потребности, мяса и мясных продуктов – 85%, рыбы – 80%, молока и молочных продуктов – 90%. При этом продукция должна быть требуемого качества и доступна для всех социальных групп населения. Однако реальная картина еще далека от желаемой, о чем свидетельствуют данные Росстата об уровне самообеспечения страны основной сельскохозяйственной продукцией (табл. 1).

Несмотря на предпринимаемые меры по защите отечественных товаропроизводителей, затраты на импорт сельскохозяйственной продукции в наблюдаемый период времени существенно возросли. По расчетам С.К. Вегрена и И.В. Троцук, расходы России на импорт продовольствия увеличились в 2000–2012 гг. в 5,4 раза и составили к концу периода 40,2 млрд долл. США. Страна вложила в импорт про-

Таблица 1

Уровень самообеспечения основной сельскохозяйственной продукцией, %

| Продукция | 2000 | 2005 | 2008 | 2009 | 2010 | 2011 | 2012 |
|---------------------------|-------|-------|-------|-------|------|-------|-------|
| Зерно | 102,5 | 116,3 | 148,2 | 134,8 | 93,3 | 135,9 | 108,3 |
| Мясо | 67,0 | 62,6 | 66,6 | 70,6 | 72,2 | 74,0 | 76,1 |
| Молоко | 88,3 | 82,5 | 83,2 | 82,9 | 80,5 | 81,5 | 80,2 |
| Яйцо | 97,5 | 98,7 | 98,9 | 98,8 | 98,3 | 98,0 | 98,0 |
| Картофель | 99,6 | 100,7 | 100,0 | 102,0 | 75,9 | 113,0 | 97,5 |
| Овощи и бахчевые культуры | 85,6 | 84,9 | 86,8 | 87,3 | 80,5 | 93,2 | 88,7 |

Источник: [1, с. 142].

довольствия больше средств, чем в поддержку отечественных товаропроизводителей, в 2011 г. в 7,7 раза, а в 2012 г. в 7,3 раза [1].

Остается высокой зависимость от импорта мясной продукции, что явилось следствием резкого сокращения поголовья крупного рогатого и мелкого скота как в сельскохозяйственных организациях, так и в хозяйствах населения. По сравнению с 1991 г. поголовье крупного рогатого скота во всех категориях хозяйств уменьшилось с 54,7 млн голов до 20 млн, в том числе коров – с 20,6 млн голов до 8,9 млн. Поголовье свиней сократилось с 35,4 млн голов до 18,8 млн, а овец и коз – с 55,3 млн голов до 24,2 млн.

Реализация приоритетного национального проекта по развитию АПК, направленного, в частности, и на решение проблем животноводства, не устранила всех проблем. Полностью преодолеть отставание в животноводстве не удалось до сих пор. В настоящее время Россия может обеспечить себя самостоятельно только зерновыми культурами, картофелем, сахаром и яйцом.

В течение 2000-х годов потребление мяса и мясопродуктов в России увеличилось в расчете на душу населения в 1,6 раза, молока и молочных продуктов – в 1,1 раза. При этом энергетическая ценность продуктов питания повысилась за последние 10 лет лишь на 73 ккал и составила в 2011 г. 2624 ккал в сутки. Однако по данным за 2011 г., потребление мяса и мясопродуктов, молока и молочных продуктов, а также фруктов и овощей было ниже установленных рациональных норм питания. Только картофель и хлебобулочные изделия россияне потребляют с превышением этих норм и больше по сравнению с другими странами. По потреблению мяса, молочных продуктов, фруктов и ягод Россия отстает от развитых стран.

Одним из важных индикаторов продовольственной безопасности страны является ценовая доступность продуктов питания для всех социальных групп. Анализ потребления продуктов питания в зависимости от уровня среднедушевых доходов свидетельствует о том, что качественное питание доступно не всем группам населения (рис. 1). Энергетическая ценность суточного рациона первой децильной группы по уровню среднедушевых располагаемых ресурсов ниже минимальной установленной нормы рационального питания в 2000 ккал. Калорийность потребляемых пищевых продуктов в крайних дециль-

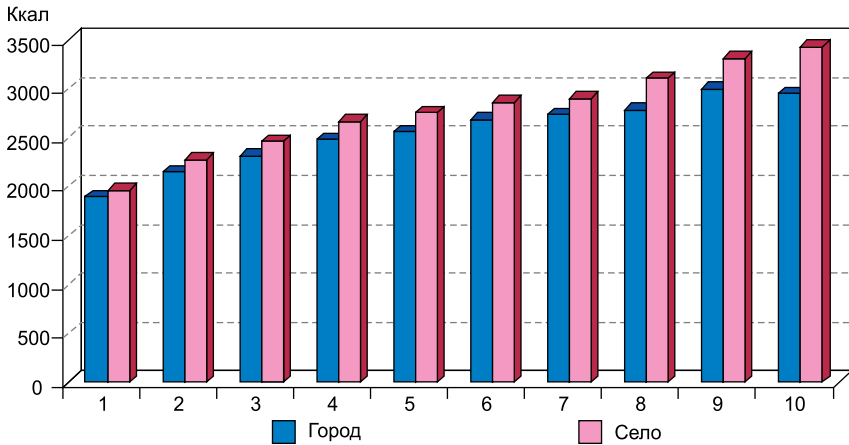


Рис. 1. Энергетическая ценность суточного рациона по 10%-м группам населения, различающимся уровнем среднедушевых располагаемых ресурсов, РФ, 2011 г.

Источник: [2]

ных группах городского и сельского населения различается в 1,6–1,7 раза. По калорийности пищи сельское население питается лучше горожан, хотя по структуре питания картина может быть иной. Согласно приведенным на рис. 1 данным, каждый десятый россиянин недоедает. Однако по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), каждый третий взрослый россиянин страдает от ожирения. Это дало основание экспертам утверждать, что «главная продовольственная проблема Российской Федерации – не недоедание, а переизбыток и плохое питание вследствие нездоровых пищевых пристрастий» [3, с. 254].

Таким образом, важнейшая задача преобразований, проведенных в аграрном секторе России, – обеспечение продовольственной безопасности страны не выполнена. Зависимость России от импорта продовольственных товаров не ликвидирована, самообеспечение страны сельскохозяйственной продукцией остается на низком уровне, качественное питание в необходимом количестве доступно не всем группам населения.

ПОВЫШЕНИЕ БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Эмпирическими индикаторами, характеризующими благосостояние сельского населения, могут служить динамика заработной платы и доходов населения, социальная структура населения, состояние социальной инфраструктуры села. Несмотря на наблюдаемые в России положительные тенденции в оплате сельскохозяйственного труда, она остается самой низкой в стране. Приведенные на рис. 2 данные свидетельствуют о том, что вплоть до начала 2000-х годов уровень оплаты труда в сельском хозяйстве был ниже установленной черты бедности. В результате доля малоимущих домашних хозяйств в сельской местности в 2000 г. составляла 54,6%, а доля крайне бедных домашних хозяйств (среднедушевые доходы в которых не превышали половины прожиточного минимума) – 25,2% [4]. Низкая оплата труда не позволяла сельским труженикам обеспечить даже восстановительный уровень потребления, что отрицательно сказывалось на развитии их человеческого потенциала.

Положительные тенденции последних лет обеспечили повышение заработной платы в сельском хозяйстве до уровня минимального по-

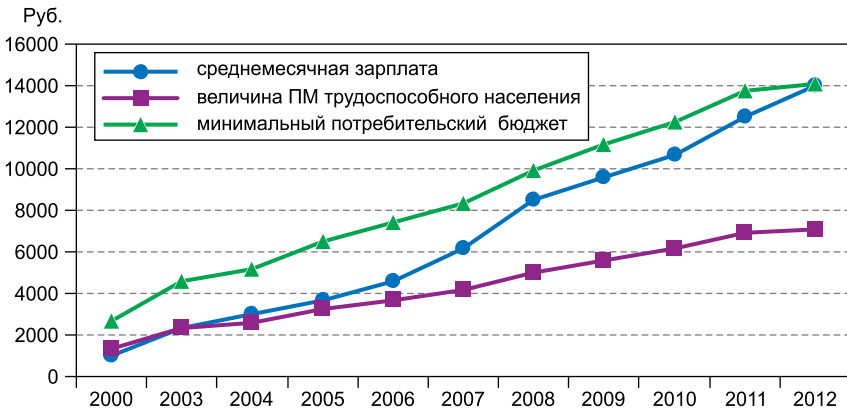


Рис. 2. Динамика среднемесячной заработной платы работников сельского хозяйства и величины прожиточного минимума в 2000–2012 гг.

Источники: [5, с. 119, 123, 124; 6, с. 135, 139, 140]

требительского бюджета, или двух прожиточных минимумов (ПМ)¹, но и сейчас заработная плата в сельском хозяйстве вдвое меньше среднемесячной заработной платы по экономике в целом. Такой уровень доходов обеспечивает только восстановительный тип потребления, что недостаточно для расширенного воспроизводства человеческого капитала, адекватного задачам развития современного общества и модернизации экономики.

Ресурсная необеспеченность расширенного воспроизводства человеческого потенциала отрицательно сказывается на состоянии здоровья, продолжительности жизни и уровне образования сельских работников. Так, по данным за 2012 г., ожидаемая продолжительность жизни у мужчин, проживающих в городской местности, составляла 65,1 года, а у проживающих в сельской местности – 63,12 года, у городских женщин – 76,27 года, а у сельских – 74,66 года. Согласно данным за 2013 г., разница в ожидаемой продолжительности жизни городского и сельского населения сохраняется примерно на том же уровне с небольшим уменьшением разрыва. Для того чтобы обеспечить работникам сельского хозяйства развивающий тип потребления, их заработную плату необходимо увеличить как минимум втрое, так чтобы она достигла уровня 6 ПМ.

Низкий уровень оплаты труда является одной из причин и более низких пенсий сельских тружеников по сравнению с пенсиями городского населения. Средний размер назначенных пенсий в сельской местности примерно на 15% ниже, чем у горожан. Тем не менее проведенная пенсионная реформа, периодическая индексация пенсий, валоризация пенсий² и регулярность их выплаты сделали сельских пенсионеров «зажиточным» слоем с устойчивыми доходами. Если в со-

¹ Величина прожиточного минимума трудоспособного населения РФ в 2012 г. составляла 7049 руб.

² Валоризация – переоценка денежной стоимости пенсионных прав, которые были приобретены гражданами до пенсионной реформы 2002 г. Валоризация была проведена в 2010 г. в отношении всех застрахованных лиц, имевших стаж до 1 января 2002 г. Она коснулась всех нынешних пенсионеров, а также всех россиян, работавших в 2002 г. С 1 января 2010 г. расчетный пенсионный капитал был умножен на 10%. Кроме того, пенсионный капитал дополнительно был увеличен на 1% за каждый год стажа, выработанного до 1991 г.

ставе сельской семьи есть пенсионеры, то эта семья в глазах местных жителей является в материальном плане вполне благополучной.

В целом величина располагаемых ресурсов в расчете на одного члена семьи в месяц в сельской местности примерно на 6 тыс. руб., или на 38%, меньше по сравнению с соответствующим показателем для городского населения. В результате риск оказаться в числе бедных у сельских жителей, особенно в малых населенных пунктах, значительно выше, чем у горожан и населения в целом (рис. 3). Не спасают селян и натуральные поступления продуктов питания из хозяйств населения, по сумме составляющие примерно десятую часть всех располагаемых ресурсов сельской семьи.

Низкий уровень жизни сельского населения и повышение доли платного сегмента в профессиональном обучении существенно уменьшили его доступность для сельских жителей. Так, в период с 2005 по 2011 г. выпуск квалифицированных рабочих и служащих с начальным профессиональным образованием для сельского хозяйства сократился в государственных и муниципальных образовательных учреждениях с 77,4 до 43,1 тыс. чел. Численность специалистов

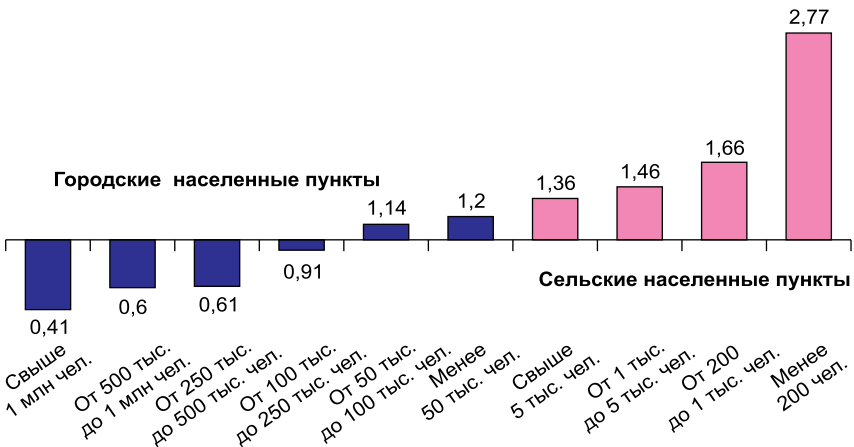


Рис. 3. Индекс риска бедности в городской и сельской местности по населенным пунктам с различной численностью жителей в 2011 г.

Источник: [7, с. 107]

Таблица 2

Распределение численности занятых в сельском хозяйстве по уровню образования, 2011 г., %

| Вид образования | Всего в экономике | В сельском хозяйстве |
|---------------------------------------|-------------------|----------------------|
| Высшее профессиональное | 29,3 | 9,1 |
| Послевузовское | 0,2 | 0,0 |
| Среднее профессиональное | 26,9 | 17,4 |
| Начальное профессиональное | 19,5 | 21,1 |
| Среднее (полное) общее | 19,7 | 35,7 |
| Основное общее | 3,9 | 14,7 |
| Не имеют основного общего образования | 0,3 | 2,1 |

Источник: [8, с. 117].

со средним профессиональным образованием уменьшилась в этот период с 28,3 до 15,2 тыс. чел., а специалистов с высшим профессиональным образованием – с 34,8 до 33,3 тыс. чел. В результате уровень образования работников, занятых в сельском хозяйстве, заметно ниже, чем по экономике в целом (табл. 2).

Бедность сельского населения, а также специфический сельский образ жизни сокращают возможности для проведения свободного времени. Комплексное наблюдение условий жизни населения показывает, что сельские жители выезжают в места отдыха, участвуют в туристических или экскурсионных поездках, а также посещают те или иные культурные мероприятия в примерно в 2 раза реже, чем горожане (рис. 4, 5).

Таким образом, недооценка крестьянского труда порождает дефицит ресурсов для обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы. Это, в свою очередь, обуславливает низкий уровень развития человеческого потенциала в сельской местности, что негативно отражается на эффективности труда в аграрном секторе производства.

Необоснованные различия в оплате труда разных категорий работников и в распределении доходов по группам населения оказали

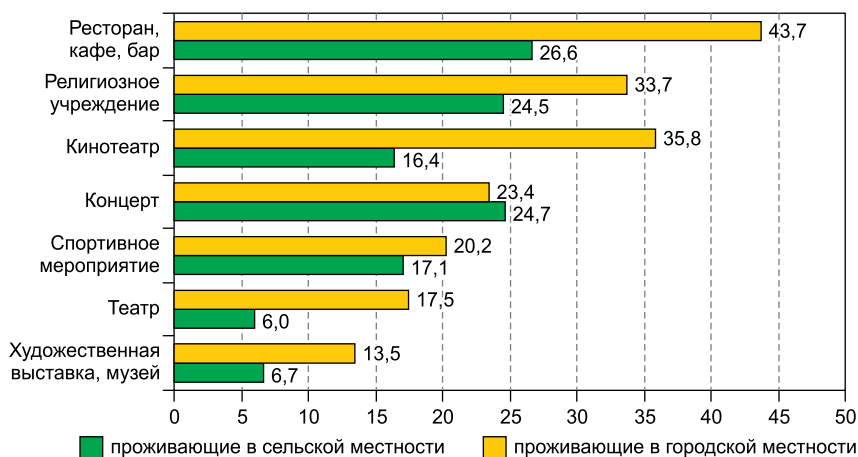


Рис. 4. Посещение различных мероприятий и мест отдыха за последний год в зависимости от места проживания, % к общей численности соответствующей группы респондентов в возрасте 15 лет и старше

Источник: [9]

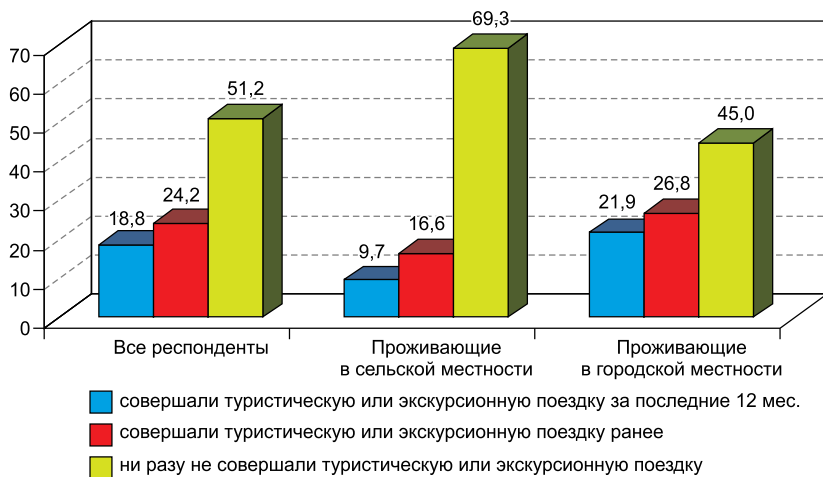


Рис. 5. Участие в туристических (экскурсионных) поездках в зависимости от места проживания, % к общей численности соответствующей группы респондентов в возрасте 15 лет и старше

Источник: [9]

негативное воздействие на формирование социально-экономической стратификации населения России. По данным выборочных обследований за II кв. 2012 г., доминирующей группой в составе населения являются бедные и малообеспеченные слои населения. Среди сельского населения крайне бедное население с доходами менее 0,5 ПМ (экстремальная бедность) составляло 5,1%, бедное население с доходами ниже прожиточного минимума (от 0,51 до 1 ПМ) – 32,2%, малообеспеченные (от 1,1 до 2 ПМ) – 33,9%. В совокупности более 70% сельских жителей имеют доходы, не превышающие того минимума, который требуется для простого воспроизводства рабочей силы. Население с доходами от 2,1 до 6 ПМ составляет примерно одну четверть (рис. 6). Доходы, обеспечивающие развивающий стандарт потребления, имели не более 2–3% сельских жителей. Развивающий стандарт потребления может служить индикатором отнесения той или иной группы населения (по доходам) к среднему классу. Как видим, доля среднего класса в сельской местности весьма незначительная. Налицо архаизация социальной структуры (по доходам) вследствие недооценки сельскохозяйственного труда.

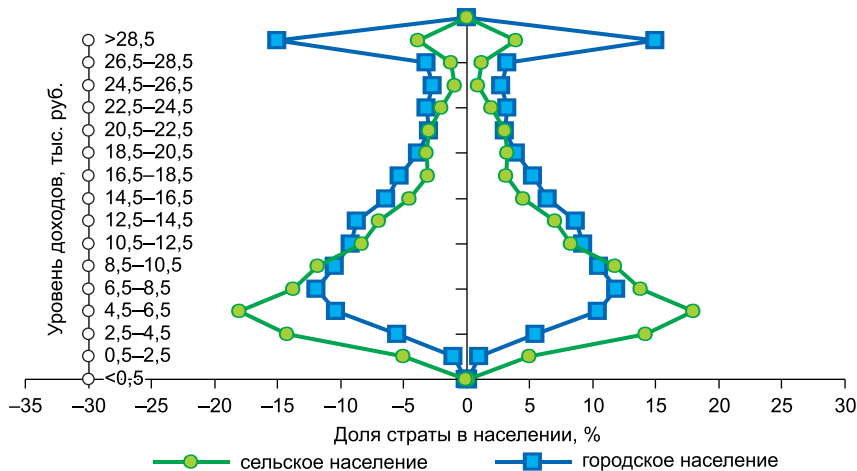


Рис. 6. Декомпозиция социальной структуры городского и сельского населения России в 2012 г.

Источник: [10, с. 15]

Перспективы развития среднего класса связываются также с широким доступом к предпринимательскому доходу. Однако рассчитывать на вхождение в средний класс за счет доступа к рыночным источникам дохода может, согласно оценкам экспертов, не более 8% населения России, тогда как в развитых странах – 20–25%. При этом в период с 1995 по 2010 г. доля доходов от предпринимательской деятельности в РФ снизилась с 16,4 до 9,3%, а в Сибирском федеральном округе – с 17,2 до 10,4%. Доходы от собственности в СФО уменьшились с 7,9 до 3,4%, а в РФ они практически не изменились и составляли в структуре денежных доходов 6,5–6,3%. Это означает, что общая экономическая среда в России не создает преференций для развития предпринимательства, особенно таких его форм, которые могут стать локомотивом роста среднего класса с точки зрения материальной обеспеченности. Между тем именно расширение среднего класса – важный результат и фактор модернизационного развития. Структура доходов российского населения указывает на то, что в стране не созданы институциональные и экономические предпосылки для расширения доступа к рыночным источникам доходов, а следовательно, и для роста среднего класса.

Мировая практика свидетельствует о том, что в странах с малой долей среднего класса в социальной структуре общества и, соответственно, с доминированием потребителей с низкой покупательной способностью многими компаниями в целях повышения прибыли и конкурентоспособности проводится политика, которая, по существу, приводит к «экологическому демпингу», т.е. снижению издержек за счет сокращения затрат, связанных с сохранением окружающей среды. Такая бизнес-практика возможна в первую очередь в условиях недостаточного государственного природоохранного регулирования в странах с переходной экономикой и развивающихся странах, в том числе в России. На рынках же с доминированием потребителей среднего класса высокая степень экологической ответственности производителей становится конкурентным рыночным преимуществом [11].

Таким образом, наличие в обществе обширного среднего класса является своеобразным двигателем «зеленой» экономики, фактором повышения экологичности и безопасности производимой продукции, а соответственно, и сохранения здоровья населения.

В последнее десятилетие социальная инфраструктура российского села динамично развивалась, но и сейчас около 30% сельских населенных пунктов не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования, примерно в каждом десятом селе нет телефонной и почтовой связи с внешним миром. Сегодня только половина сельского жилого фонда оборудована водопроводом, 40% – канализацией, 61% – отоплением, одна четверть – горячим водоснабжением, 74% газифицировано.

С середины 2000-х годов в сельской местности идет оптимизация сети малокомплектных школ и небольших медицинских учреждений. Предполагалось, что укрупнение должно повысить качество услуг образования и здравоохранения, но основной критерий оптимизации – соответствие нормативу бюджетных расходов. Именно этот критерий до 2012 г. учитывался при оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти в регионах. Однако практика показала, что резкое сокращение числа общеобразовательных и медицинских учреждений снижает территориальную доступность базовых социальных услуг, особенно в сельской местности. И как подчеркивалось в Докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 г. [11], для максимально возможного сохранения их территориальной доступности процесс сокращения сети и укрупнения школ и учреждений должен быть увязан с особенностями расселения в регионе.

Таким образом, состояние социальной инфраструктуры в современной российской деревне хотя и свидетельствует об улучшении бытовых условий селян, но не отвечает требованиям времени, закрепляет в сознании, в первую очередь у молодежи, негативное представление о сельском образе жизни и способствует миграционному оттоку молодых жителей села в города. Сельский труд остается самым низкооплачиваемым трудом, что сужает экономические возможности для расширения среднего класса и развития человеческого капитала в деревне.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ

Оценивая социальную модернизацию в России, М.К. Горшков [12] отмечает ее замедленный характер и противоречивость. Степень урбанизированности страны не соответствует стандартам, характер-

ным для стран, находящихся на этапе перехода от индустриального общества к позднеиндустриальному. Следствием этого становится слабая распространенность городской культуры, являющейся важнейшей предпосылкой формирования личности современного типа, новой модели социальных отношений, новой системы социальных институтов. При этом, пишет автор, происходят быстрое разложение традиционной сельской культуры и интенсивная маргинализация значительной части жителей сел и деревень. Однако с последним утверждением вряд ли можно согласиться.

Социологический мониторинг аграрной реформы в сельских регионах Сибири, осуществляемый отделом социальных проблем ИЭОПП СО РАН в течение последних 20 лет, позволяет сделать иные выводы. Практически ежегодные экспедиции в сибирские сельские регионы убеждают нас в том, что на селе происходят заметные положительные перемены. О таких переменах свидетельствуют не только положительная динамика в уровне и качестве жизни сельского населения, о которой шла речь выше, но и визуальные наблюдения во время социологических экспедиций в сельскую местность. Да, в Сибири тоже исчезают деревни, и молодежь уходит в города, и пьют в сибирских селах не меньше, чем в других регионах, но налицо и положительные сдвиги. Улучшается внешний облик села, дома стали богаче и улицы – чище. Как отмечает на сайте одного из сельских районов Новосибирской области, «строят здесь много и красиво: и объекты социальной сферы, и жилье». И это действительно так. Что же касается не столь стремительного распространения городской культуры в современном ее виде, так это скорее благо, а не беда для сельских жителей. Не случайно одна из последних программ развития сельских территорий Новосибирской области наряду с повышением благоустройства сельских территорий, улучшением условий труда и быта сельского населения была нацелена на создание условий для сохранения сельского образа жизни.

О происходящей социальной модернизации свидетельствует также формирование класса собственников в российской деревне. Проведенная реорганизация коллективных хозяйств предоставила работникам сельского хозяйства, пенсионерам и части работников социальной сферы право на получение земельной доли и имущественного пая. Согласно действующему законодательству указанные категории

сельского населения получили причитающуюся им долю в коллективном имуществе в денежном выражении или в натуре и использовали ее для ведения самостоятельного крестьянского хозяйства, организации собственного дела или для расширения производства в личном подсобном хозяйстве. Однако в большинстве случаев права крестьян на землю не были оформлены юридически, им не были известны конкретное местоположение и границы земельных участков. Массовая передача долевой земли в распоряжение бывших колхозов и совхозов на правах аренды или взноса в уставной фонд реорганизованных хозяйств привела к расщеплению прав собственности. Владельцы земельных паев превращались из реальных хозяев в виртуальных. Сельскохозяйственные организации, не имея реальных конкурентов, устанавливали практически символическую арендную плату за землю в виде уплаты сельхозналога и небольшой натуроплаты в конце года.

С приходом в аграрный бизнес крупного капитала, в том числе и городского, возросла конкуренция за арендуемые участки земли. Владельцы земельных долей почувствовали, что у них в руках не просто «бумажки», удостоверяющие их права, а реальный капитал. Можно говорить о формировании у сельского населения рыночного сознания, которое проявляется в понимании сельскими жителями ценности земли как капитала, особенно при обострившейся конкуренции между крупными игроками на рынке земли за земельные пай жителей села, включая пенсионеров. В таких условиях владельцы земельных участков могут торговаться относительно арендной платы и выбирать более «щедрых» арендаторов, могут продать свою земельную долю уже не по бросовым ценам или передать ее по наследству своим родственникам.

За неимением спроса, в 1990-е годы земельные участки нередко оставались невостребованными, брошенными и невозделанными. Однако, по расчетам Н.И. Шагайды, сокращение площади сельхозугодий как главного сельскохозяйственного ресурса за 20 лет реформ в России оказалось не катастрофичным и составляет 13%. При этом 12,5% сельхозугодий закреплено за фермерскими хозяйствами, 23 – за гражданами (не фермерами), 56,7 – за негосударственными сельхозорганизациями, 4,7 – за государственными и муниципальными организациями, 2,6% – за прочими организациями [13].

Справедливости ради следует отметить, что возможностью вести самостоятельное крестьянское хозяйство, вопреки ожиданиям рефор-

маторов, воспользовалась незначительная доля сельских жителей. Тем не менее за время реформ на селе сложился слой инициативных, профессионально грамотных людей, рискнувших в условиях непоследовательных и противоречивых реформ 1990-х годов пуститься в самостоятельное плавание. Речь идет о фермерах. Хотя фермерский сектор в российской деревне не стал доминирующим укладом в силу существования экономических и социальных барьеров, доля крестьянских хозяйств в сельскохозяйственном производстве страны выросла с 1,9% в 1995 г. до 9% в 2011 г. В производстве зерна доля фермерских хозяйств увеличилась за этот период до 22%.

Повышается социальная активность сельских жителей в сфере предпринимательской и коммерческой деятельности, в создании частных предприятий, в расширении личных подсобных хозяйств, в развитии сельского фриланса.

В контексте формирования рыночных субъектов хозяйственной деятельности акционирование сельскохозяйственных предприятий, проведенное в России в 1990-х годах, вряд ли можно считать успешным проектом. Если акции в реорганизованных хозяйствах были расщеплены по многим акционерам, то были размыты и их права. Соответственно, стереотипы поведения людей практически не менялись. При создании таких акционерных обществ даже названия сельхозпредприятий оставались прежними. И появились такие парадоксальные названия, как, например, ЗАО «Колхоз им. Карла Маркса» или ОАО «Колхоз «Путь к коммунизму». Нередко подобные акционированные сельхозпредприятия оставались не просто местом работы, но и своеобразным «собесом», куда можно было обратиться за помощью в трудных жизненных ситуациях. Как правило, на таких предприятиях содержались так называемые «лишние» работники. В основном это ветераны, которым до выхода на пенсию оставалось доработать один-два года. В таком возрасте, да с учетом состояния здоровья, они не могли найти работу в другом месте. Уволить их – значит получить неодобрение со стороны сельского сообщества.

Но такая ситуация была не повсеместной. Сформировался и существует другой тип акционерных сельскохозяйственных предприятий, где контрольный пакет акций (нередко его доля превышает 90% акций) сосредоточен в одних руках. Как правило, это руководители предприятий, которые прибирали к рукам не востребовавшие участки

земли или участки, выкупленные у односельчан по символическим ценам. В таких случаях вряд ли можно говорить о совместном управлении и распоряжении собственностью. На одном полюсе – хозяин, а на другом – наемные работники. По существу, это частные предприятия, где есть хозяин-собственник и наемные работники.

Специфика современной ситуации заключается в том, что в аграрный сектор пришел крупный бизнес, который диктует свои условия. На селе появляются оснащенные по последнему слову техники сельскохозяйственные комплексы животноводческого и иного профиля, работающие по самым современным технологиям. Они предъявляют высокие требования к уровню образования и квалификации работников. На таких предприятиях соблюдаются высокие стандарты трудовой дисциплины, применяются жесткие санкции, в том числе и материального характера, к нарушителям. Здесь выше производительность и оплата труда. Такие предприятия становятся маяками модернизации аграрной экономики. В то же время они повышают конкуренцию на рынке труда, высвобождая часть излишней рабочей силы и увольняя тех работников, которые не выдерживают высокой интенсивности труда. Часть работников уходят с таких предприятий по доброй воле. Они пополняют ряды трудовых мигрантов, вахтовиков, отходников или сельских безработных.

Таким образом, новые игроки на сельском рынке труда, предъявляя более высокие требования к качеству человеческого капитала, повышая конкуренцию за рабочие места, с одной стороны, стимулируют профессиональную активность работников, а с другой – усиливают социальную напряженность в сельском социуме и способствуют оттоку рабочей силы из села.

Качественные сдвиги в социальной модернизации села могут произойти только при наличии соответствующих институциональных и финансовых предпосылок для развития местного самоуправления и локальных сельских сообществ.

* * *

За последние несколько месяцев ситуация на отечественном продовольственном рынке существенно изменилась вследствие введения Россией продовольственного эмбарго. Отказ от импорта ряда продо-

вольственных товаров, ориентация на внутреннее производство дали отечественному АПК исторический шанс для социально-экономического прорыва. Однако это возможно только при мощной государственной поддержке отечественного производителя и мобилизации внутренних резервов аграрного сектора. Время покажет, сможет ли российская деревня воспользоваться этим историческим моментом.

Литература

1. **Сельское** хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 464 с.
2. **Потребление** продуктов питания в домашних хозяйствах в 2011 году. – М.: Росстат, 2011. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_101/Main.htm (дата обращения 02.04.2014).
3. **Вегрен С., Троцук И.В.** Продовольственная безопасность в Российской Федерации // Крестьяноведение: Теория. История. Современность / Уч. зап. 2013. Вып. 8; под ред. А. Никулина, М. Пугачевой, Т. Шанина. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2013. – С. 243–269.
4. **Доходы**, расходы и потребление домашних хозяйств в 2000 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Росстат, 2001. – 149 с.
5. **Россия** в цифрах. 2009. – М.: Росстат, 2009. – 525 с.
6. **Россия** в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 717 с.
7. **Социальное** положение и уровень жизни населения России. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012.
8. **Российский** статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. – М., 2012. – 786 с.
9. **Итоги** Комплексного наблюдения условий жизни населения. – М.: Росстат, 2012. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tab14.htm // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/tab14.htm (дата обращения 02.04.2014).
10. **Доходы**, расходы и потребление домашних хозяйств в II квартале 2012 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). – М.: Росстат, 2012. – 219 с.
11. **Устойчивое** развитие: вызовы Рио: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013. – М., 2013. – 204 с.
12. **Горшков М.К.** Социальные факторы модернизации российского общества с позиции социологической науки // Социс. – 2010. – № 12. – С. 28–41.
13. **Шагайда Н.И.** Земли сельскохозяйственного назначения: 20 лет спустя // ЭКО. – 2013. – № 5. – С. 5–22.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 23.06.2014 г.